

талъ чуть не жертвами русскаго коварства и насилія. Нужно замѣтить притомъ, что сами правительства обѣихъ этихъ державъ старались дать именно такое направленіе общественному мнѣнію. Особенно австрійское заботливо распространяло, и въ газетахъ того времени и въ послѣдующихъ по его указаніямъ написанныхъ историческихъ сочиненіяхъ, такія свѣдѣнія, на основаніи которыхъ читатели должны были заключить, будто Австрія лишь по неволѣ приняла участіе въ дѣлѣ, которое сама порицала и исполненія котораго отнюдь не желала. Что касается до Пруссіи, то самъ Фридрихъ II и притомъ раньше еще, чѣмъ послѣдовалъ первый раздѣлъ Польши, уже старался выгородить себя и, такъ сказать, спрятаться за спиною Россіи. Такъ, еще въ маѣ 1771 года, ведя съ Австріей частные переговоры по польскимъ дѣламъ (черезъ австрійскаго посланника при берлинскомъ дворѣ, фонъ-Сви-тена), онъ преспокойно увѣрялъ ее, будто «проектъ раздѣленія нѣкоторыхъ областей Польши исходитъ прямо отъ русскаго двора, а не изъ его лавочки (*et non de ma boutique*)». Неудивительно, поэтому, если въ обществѣ составилось на этотъ счетъ неправильное мнѣніе. Правда, обмануть его до конца все же таки не удалось. Сказанія о знаменитыхъ слезахъ Маріи-Терезіи, при подписаніи акта раздѣла, и о собственноручной припискѣ, будто бы сдѣланной ею на послѣднемъ рапортѣ министра, въ которомъ тотъ доказывалъ ей необходимость согласиться на раздѣлъ ¹⁾—эти сказанія, точно такъ же какъ и смѣлыя увѣренія Фридриха II не долго вводили общество въ заблужденіе. Всѣ поняли, что если Марія-Терезія и не задумала сама раздѣлить Польшу и

¹⁾ Легенда гласила, будто Марія-Терезія написала слѣдующія слова: „Placet, такъ какъ этого хотятъ столько мудрыхъ и свѣдущихъ людей; но долго спустя послѣ моей смерти увидать, къ какимъ результатамъ приведетъ это презрѣніе ко всему, что до сихъ поръ считалось въ мірѣ святымъ и справедливымъ“. Оригиналъ этой приписки никогда не могли разыскать. Документъ, на которомъ она, согласно легендѣ, должна бы находиться, имѣется на лѣво, но приписки на немъ нѣтъ, вслѣдствіе чего ее и нельзя разсматривать иначе какъ апокрифическую. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы это былъ совершенный вымыселъ: подобное мнѣніе дѣйствительно было высказано Маріей-Терезіей, въ письмѣ къ своему послу при парижскомъ дворѣ, гр. Мёрси, которому она писала: „Они (т.-е. Фридрихъ и Екатерина) славно провели насъ за носъ, и я неутѣшна. Если что можетъ еще нѣсколько утѣшить меня, такъ это то, что я всегда была противъ этого безсовѣстнаго и столь неравнаго раздѣла и противъ нашего сообщества съ этими чудовищами... Не будучи въ состояніи вести войну, я уступила, но противъ своего убѣжденія. Дай Богъ, чтобы манархія не пострадала еще за это послѣ моей смерти“. Въ этихъ словахъ высказывается та же мысль, пожалуй, но надо много доброй воли, чтобы увидать въ нихъ осужденіе самаго факта раздѣла, а не горькое сожалѣніе о недостаточности доли Австріи въ немъ.